

ознакомиться с его содержанием. И если в данном случае русский царь почерпнул факты из сравнительно редкого литературного источника, то его сведения об отношениях киевского князя Игоря с Византией имеют чисто легендарный характер: «Игор преселися на Киев и тамо царьствия скифетры Росии положи, и на Греках дань емляше и в Переславце Дунай-стем живяше, иже есть Бен и Ведна...»⁴¹ Я. С. Лурье⁴² правильно отметил, что в этом месте «возможна какая-то порча текста» и что, в сущности, автор послания «упоминал или собирался упоминать Святослава».

Действительно, написанное очень близко напоминает некоторые места из ПВЛ, касающиеся похода киевского князя Святослава в болгарские земли в 869—872 гг. Так, там под 6475 г. сказано: «Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемся обоимъ, одолъ Святославъ болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеви, и съде княжа ту въ Переяславци, емля дань на грѣцѣхъ».⁴³ В письме Святослава к княгине Ольге, помещенном в летописи под 6477 г., сказано между прочим: «Не любо ми есть в Киевѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей».⁴⁴ Очевидно, в тексте послания Ивана Грозного имеется известная контаминация сведений из русской летописи о князе Игоре и его сыне Святославе. Неясными остаются слова «иже есть Бен и Ведна». Может быть, следует истолковать еще одно имя, например Бениведна? В этом случае это имя следовало бы толковать как второе название Переяславца. Вопрос остается открытым. Отождествление Переяславца и точная локализация, относительно которой все еще идут споры в научной литературе, вероятно, помогут разгадке этой части послания Ивана Грозного.

Из истории XII в. Грозный упоминает один момент, который связан с русско-византийскими отношениями. Так, называя имя князя Владимира Мономаха (1113—1125), Иван Грозный добавляет: «... иже от грек достойнейшую честь восприемшему...»⁴⁵ В послании к Полубенскому эта мысль выражена еще яснее: «великого царя и великого князя Владимера Мономаха, иже на Фракею Царяграда воевавшего и царьский венец и имя приобете царьствия (от царя Константина, иже тогда во Цареграде царствующего сия приемлет)».⁴⁶ В этих сведениях отразились не реальные исторические отношения русской державой и Византийской империей в первой половине XII в.,⁴⁷ а одна поздняя легенда,⁴⁸ по которой упомянутый киевский князь получил как царскую корону, так и само имя от византийского императора Константина IX Мономаха. Мы не можем в этом случае (даже в самой малой степени) винить Ивана Грозного за искажение исторической правды: эта легенда могла только подтвердить необходимость самодержавия на Руси. Из истории поздней Византийской империи Иван Грозный привел лишь несколько отрывочных сведений. Так, в послании к польскому королю Стефану Баторию он кратко упоминает известный Ферарско-флорентийский собор 1439 г.: «а коли собор был

⁴¹ Послания, стр. 201.

⁴² См.: Я. С. Лурье. Комментарии, стр. 645.

⁴³ См.: Повесть временных лет, т. 1. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адрианов-сей-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 47; ср.: В. Н. Златарски. История на българската държава през средните векове, I, 2. София, 1927, стр. 573, сл.

⁴⁴ ПВЛ, т. 1, стр. 48.

⁴⁵ Послания, стр. 9, 71, 125.

⁴⁶ Послания, стр. 202.

⁴⁷ Подробности см., например: М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 437, 476, сл.; G. Vernadskij. Relations byzantino-russes au XII siecle. — Byzantion, IV, 1929, стр. 269—276.

⁴⁸ См. у А. С. Орлова (Владимир Мономах. М.—Л., 1946, стр. 44, сл.), а также у Я. С. Лурье (Комментарии, стр. 645, 534).